

фестиваль

ОДНАЖДЫ В АНТАЛЬЕ ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ «ЗОЛОТОЙ АПЕЛЬСИН» АНДРЕЙ ПЛАХОВ

—Режиссер Нури Бильге Джейлан

Разумеется, я много слышал про этот турецкий город от наших туристов, но узнать его мне довелось совсем с другой стороны — как место проведения крупного международного фестиваля. Киносмотр этот не единственный в Турции: и Анкара, и Стамбул могут похвастаться яркими кинособытиями, на Стамбульском фесте я бывал неоднократно, ощутил очарование и опасную ауру этого города, о котором великий Бертолуччи, помнится, сказал: «Вы чувствуете там разряд электричества».

Анталья совсем другая: она, кажется, дышит спокойствием и расслабленностью курорта (впрочем, это лишь первое и во многом обманчивое впечатление). Но сначала о том, почему вообще Турция стала популярна среди кинематографистов всего мира. И как случилось, что турецкое кино оказалось притягательно и конкурентоспособно на международном рынке.

Пионером турецкого киноренессанса стал режиссер Нури Бильге Джейлан, неоднократный призера самого влиятельного в мире, Каннского, фестиваля. Когда этот фестиваль отмечал 60-летие, лучшими режиссерами планеты был снят юбилейный альманах «У каждого свое кино». Там есть уморительная новелла, принадлежащая братьям Джоэлу и Итану Коэнам. Открыточный ковбой заявляется в кинотеатр и узнает, что там идет турецкий фильм. Ковбой спрашивает: «А что, фильм действительно на турецком? И надо читать субтитры?» У парня приступ панической атаки: ковбой абсолютно уверен, что кино делается только на его родном английском языке. Поколебал его убеждение Нури Бильге Джейлан: именно его картину «Времена года» о кризисе супружеских отношений крутили у Коэнов.

После картин «Однажды в Анатолии» и «Зимняя спячка» (Золотая пальмовая ветвь в Канне) заговорили о чеховских и толстовских мотивах в творчестве режиссера. Но не только: не случайно в кабинете главного героя висят иллюстрации Ильи Глазунова к романам Достоевского, и они же использова-

ны для афиши фильма. К миру Достоевского восходит и история с мальчиком, разбившим стекло автомобиля, чтобы отомстить обидчику своего отца. В фильмах Джейлана, возвращенного, как и многие турецкие интеллектуалы, на русской литературной классике, Турция — это та самая Россия, которую мы потеряли вместе с присущей старой интеллигенции честью и совестью. Драма интеллигентов, оторванных от народа, но чувствующих свою вину и ответственность перед ним, становится ключевой в творчестве Джейлана. Так что коэновскому ковбою, пришедшему на его фильм, есть над чем помозговать.

С Россией связывает Джейлана и его страстная любовь к Андрею Тарковскому. Настолько страстная, что ее пришлось даже маскировать и «снижать» с помощью юмора: герой-интеллектуал фильма «Отчуждение» смотрит по телевизору «Зеркало» Тарковского, но периодически переключает канал на порнофильм. После этой картины Джейлана стали называть «турецким Антониони» и «турецким Тарковским». К слову, вскоре я пригласил его в Плёс на посвященный Тарковскому фестиваль «Зеркало». В садике дома, где великий русский режиссер подростком жил во время войны, Джейлан посадил дерево и поклонился своему кумиру.

Впрочем, не только Джейланом гордится сегодня турецкое кино. Год назад во многих странах прошумел «Мустанг» — феминистский турецкий фильм, снятый в копродукции с Францией и выдвинутый ею на «Оскар». Дебютная лента Дениз Гамзе Эргювен — история пяти сестер: девочек запирают в домашней тюрьме и пытаются загнать в рамки патриархального уклада, но тщетно. «Мустанг» дышит молодой энергией, неудержимой жаждой свободы, язвительно высмеивает лицемерие, в основе которого не столько даже мусульманские догмы, сколько южный и восточный мужской шовинизм. Все прекрасно знают, что это лишь внешняя ритуальная оболочка, что умные женщины ухитряются и фактически управлять своими мужьями, и наставлять им рога. Дело, однако, в том, что героини «Мустанга» не хотят притворяться и обманывать, их цель — полное освобождение от канонов и традиций. А ориентир — Европа и европейские ценности; но на родине единственный город, влекущий их свободными нравами, — это Стамбул, от которого героинь отделяет тысяча километров.

Когда меня пригласили в международное жюри 51-го фестиваля «Золотой апельсин» в Анталии, я порадовался, что встречу турецких друзей-кинематографистов. Но жюри оказалось по-настоящему международным. Возглавлял его американский режиссер Джерри Шацберг, поразивший нас в свои «под девяносто» прекрасной интеллектуальной и физической формой. Прилетев из Лос-Анджелеса, он через два дня отправился в Лион на чествование своей давней подруги Фей Данауэй, еще через день вернулся, досмотрел пропущенные фильмы и сумел так организовать жюри, что оно вынесло решение в рекордные полчаса. «Золотой апельсин» надо было присудить одному фильму из десяти, участвовавших в конкурсе. Некоторые из претендентов уже могли похвастаться серьезной репутацией, как, например, «Белый бог» венгра Корнеля Мундруцо или «Суд» индийца Чайганы Тамхане.

В противоположность индийскому фильму, состоящему из протокольного потока судебных речей, приехавшая на фестиваль российская картина «Испытание» снята без единого слова, а ее герои изъясняются языком мимики и жестов. Этот минималистский и, повторю, совершенно бессловесный фильм напоминает давние ленты среднеазиатского, еще советского живописно-поэ-

мы обнаружили, что не только мы смотрим, но и на нас смотрят. люди останавливались и перегораживали нам путь. причиной оказался турецкий член жюри — актер халит эргенч